

ГИНИЯТУЛЛИН Талха Юмабаевич (Анатолий ГЕНАТУЛИН) родился в деревне Уразово Учалинского района 20 апреля 1925 года. Окончил Уразовскую неполную среднюю школу в 1941 г. Учился в школе ФЗО в г. Белорецке, работал на заводе волочильщиком.

Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в боях на Карельском перешейке, во взятии Кенигсберга в составе 2-го Белорусского фронта. Ранен, контужен. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалью за взятие Кенигсберга.

После войны работал в Красной Поляне на строительстве Сочи-ГЭС проходчиком туннелей. В 1950 г. переехал в Москву и работал на заводе фрезеровщиком, учился в школе рабочей молодежи и получил аттестат зрелости. В 1961 году поступил в Литературный институт им. М.Горького. И начиная с этого года стал печататься в «толстых» журналах Москвы как «Дружба народов», «Знамя», «Наши современники», «Октябрь», «Новый мир», «Роман-газета» и в литературных еженедельниках. Начиная с 1969 года в центральных издательствах «Советский писатель», «Советская Россия», «Современник» стали выходить большими тиражами его книги и были хорошо встречены читающей публикой. Произведения стали переводиться на иностранные языки. В Германии на немецком языке вышел роман «Туннель» («Красная Поляна»), в США — на английском повесть «Непогодь», повести и рассказы печатались в Чехословакии, Болгарии, Китае и в Индии, Белоруссии, Узбекистане.

В литературу он вошел как автор рассказов, повестей и романов о войне. Как литератор, пишущий о войне, он стоит рядом с такими советскими и российскими писателями, как Василь Быков, Вячеслав Кондратьев, Богомолов, Константин Воробьев, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев.

В издательстве «Китап» вышли книги рассказов и повестей на русском языке «Загон» (2004), «Красная поляна» (2008), «Одинокий дом в тумане» (2010), на башкирском — в переводе Амира Аминева «У родного порога» (1994), «Что там за холмом» (1997), «Ты стояла под березой» (2007).

Т.Ю.Гиниятуллин Заслуженный работник культуры РБ и России, лауреат премии Международного Литфонда, Всероссийской Литературной премии имени С.Т.Аксакова. В 2011 году ему присвоено звание народного писателя Башкортостана.

Амир АМИНЕВ

Три рассказа

Пастух

Серенький сентябрьский денёк убывал в ранних сумерках, когда я возвращался с реки домой. Пройдя проулок, я увидел у своих ворот незнакомого человека, который, кажется, кого-то поджидал. Я насторожился: я никого не ждал, никого не хотел видеть. Я приехал в деревню ненадолго, жена, больная, осталась в Москве и, если этот человек неожиданный, но интересный для меня гость, как я без жены соберу застолье, разве что налью рюмочку без хорошей закуски. Я подошел и, угадав в знакомце городского человека, обратился по-русски:

— Вы ко мне?

— Да, здравствуйте.

Он сунул мне руку, и я привычно отдал свою. Я не люблю эти рукопожатия. Иной человек, особенно молодой, до боли тискает мои хрупкие старческие пальцы, как будто этим жестом сопровождает свою тайную и мелкую мысль: «Постарел, скоро подохнет». Рука знакомого была большая, заскорузлая — рабочая.

— Вы ведь Талгат, — осведомился он.

— Да, он самый.

— Мне сказали, что вы самый старший в деревне.

— Есть старше меня, но он уже не ходит.

— Быть может, вы помните моих родителей. Я расспрашивал, никто их не помнит. Меня как увезли в детдом, с тех пор я в деревне не появлялся. Когда умер отец, где похоронен — не знаю.

— Как его звали-то?

— Галимнур. Он был пастух. Пас деревенских овец.

— А-а, Акэ-пастух! — вспомнил я. — На нашем аймаке жил.

— Да, так его прозывали. А меня — Акэ-малай. Я его сын. Мы с вами играли. Может, помните?

— Припоминаю... Я ведь тоже в сорок первом уехал в ФЗО, а в деревню вернулся только в пятидесятом, не помню, чтобы твой отец тогда был в деревне. Наверное, он умер в сорок третьем или сорок четвертом. В том году деревня особенно голодала, люди умирали. А вот где похоронен, сказать не могу. В годы войны покойников хоронили на ближнем к деревне краю кладбища. Там земля мягкая, копать легче.

Выслушав меня и помолчав, приезжий сказал:

— Вы не могли бы показать мне это место?

Ох, как не хотелось мне идти в этот пасмурный день на кладбище и топтать старые могилы. Но не мог отказать человеку в его добром намерении. Хотя ведь знал, вернее, уверенно предполагал, что на нашем кладбище нет могилы Акэ-пастуха.

Откуда появился этот странный человек в деревне, никто не знал. Точнее, не знали мы, подростки, а люди, жившие до нашего рождения, помнили его отца, который в двадцать первом голодном году от голода сошел с ума и, сказав жене и детям мал-мала меньше: «Детки мои, не голодайте, ешьте мое мясо», — полоснул себя по горлу ножом. Но кто станет есть мясо родного отца? Горе только ускорило голодную смерть женщины и её детей. Выжил только старший. Как выжил — никто не знает. И исчез из деревни. Поговаривали, что подался в казахскую степь и нанялся в пастухи к зажиточному казаху.

Это был маленький человек. Со спины казался подростком, но, обернувшись, показывал рано постаревшее лицо взрослого, почти старика с несколькими волосиками на небритом подбородке. Язык родной деревни он не забыл, но иногда в свою речь вставлял привезенные из степи непонятные слова. И почему-то ругался только по-казахски: «Акинг авзынг!» и мы, подростки, гораздые лепить прозвища даже своим школьным учителям, прозвали пастуха Акэ, хотя не знали, что означает это казахское слово. Быть может, вроде нашей деревенской, не очень злобной ругани «плюю тебе в рот».

Жил он в маленькой избушке, оконца которой на улицу были вровень с завалинкой. Еще до появления пастуха, в дошкольном детстве, я с опаской поднимался на завалинку и заглядывал в окно пустого дома — мне казалось, что в сумраке заброшенного людьми жилья затаенно обитает кто-то неведомый и жуткий. Я видел голые нары и развалины печи. Кто-то разобрал кирпичи и унес для своих нужд. Акэ, поселившись в заброшенной избушке, не стал класть новую печь, а из камня и глины соорудил древний сувал, о котором в деревне уже многие позабыли, а дымником служила дыра, оставшаяся в потолке от прежней печи. И пёк в золе лепешки.

А пастух он был всем пастухам пастух. У него не было ни пастушьего кнута, ни герлыги. Он не погонял на пастбище овец, а их было несколько сот голов, а, как полководец перед войском, шел впереди. Не оглядывался, не покрикивал. За ним шли вожаки — баран и козел. Быть может, они воспринимали это странное двуногое существо чуть выше козла за такое же, как и они сами, стадное животное и понимали его, повиновались ему.

За деревней, на склонах выгоревших от зноя холмов, где животные принимались грызть скудную растительность каменистой почвы, и стадо, и пастух сливались с бурыми склонами в знойной ряби полуденного марева. Но в полдень, когда солнце пекло с самой макушки неба, откуда-то из травы поднимался пастух и шел вниз к реке. И стадо шло за ним. И, напившись на перекате, замирало в сильно унавоженном загоне в жидкой тени засыхающих вётел. Пастух доил чью-нибудь козу с щедрым выменем и, подкрепившись зольными лепешками и козьим молоком, заваливался спать где-нибудь в тени. Только когда зной малость убывал, просыпался и вел стадо на склоны холмов.

Эта пастораль бывала только в ветреные дни середины лета, и то если не налетал ливень с грозой. Если бы еще не было в стаде этих проклятых коз, которые, отделившись от овец, то на скалы взбирались, то, когда начинался дождь, пускались в деревню. «Айда, ребята, домой, мы не глупые овцы, чтобы мокнуть под дождем!» А овцы мокли, сгрудившись в березовом колке. Пастух же, хорошо зная природу рогатых и бородатых тварей, не пытался воротить их, только ругался вослед: «Акинг авзынг!»

Насмешливые люди не только давали прозвища остальным, выделяющимся из толпы чем-нибудь — дурным нравом или телесным изъяном, но и придумывали о них смешные небылицы. Это подхватывали подростки. О пастухе говорили, что он такой тупой, что, когда ставил ветровые ворота, столбы закопал тонким концом в яму. Или еще: как-то зашел к нему сосед Сабрай — пастух чаевничает. «Садись, сосед, чай пить». Сабрай присел с краешка на нары, Акэ достал из золы горячую лепешку и по привычке сдул с неё золу прямо в рожу соседа. Потом Сабрай рассказывал: «Вот проклятый казах, пригласил меня к чаю и горячую печную золу прямо мне в лицо!»

Особенно будоражил деревенских трепачей вопрос: почему пастух не женится? «Да ведь он давно женат на козе из своего стада».

То ли услышав эти насмешки, то ли жить в одиночестве стало неважно, пастух задумался и решил жениться. Только на ком? Какой он соперник рослым деревенским парням и желтоголовым сыновьям прибудных татар? Да к тому же в двадцатые годы — как считалось, перед большой войной, — в избытке рождались мальчики, так что в тридцатые годы недостатка в женихах не было.

Подумал пастух и решил рубить дерево по топору: найти девку заваливающую, с телесным изъяном, хромушку или кривую, на худой конец.

Овцы его паслись на склонах холмов неподалеку от земель соседнего колхоза. Там в межгорье пряталась маленькая деревня Сарыгол, где никогда пастух не бывал. Однажды он от нечего делать или, вернее, из любопытства подошел к деревне. Деревня поначалу казалась безлюдной, но тут он заметил женщину, которая стояла возле маленькой, как и у него, избушки. «Это Аллах показывает мне жену», — подумал он. Женщина собралась было уже войти в дом, но пастух ее окликнул. Женщина задержалась и уставилась на него с испугом.

— Эй! Ты не бойся, я пастух, овцы мои вон за тем холмом, — сказал пастух и, подойдя близко, увидел женщину ростом на пять голов выше себя, широкоскулую, густобровую. И, увидев на её широких костях и груди слишком много женского добра, подумал: «Не подходит, большая, как лошадь, да руки какие, бить будет». Все-таки решил поговорить. Спросил:

— Ты в этой избе живешь?

Хотя и так было видно, что это её избушка.

Женщина не ответила, продолжая всматриваться в пастуха овечьим тупым взглядом.

— Одна живешь? — спросил пастух. Женщина кивнула — одна.

«Одна — это хорошо», — подумал Акэ и выкинул главный судьбоносный вопрос:

— Замуж за меня пойдешь?

Женщина продолжала всматриваться в него тупым взглядом, но толстые губы ее изобразили нечто вроде сдерживаемой улыбки.

— Ты что, не умеешь разговаривать? — спросил пастух.

— Я умею ругаться, — вдруг мужским басом ответила женщина.

Пастух вздрогнул, подумал: «Дурочка» и решил — подходит. И сказал:

— Завтра приеду за тобой. Поедешь жить со мной в такой же маленькой избушке.

Не ответив ему, женщина отвернулась и скрылась в двери своей развалюхи.

Наутро пастух привел стадо на склоны гор и, зная, что в полдень вожаки козел и баран поведут их к реке, вернулся в деревню, запряг временно свободную от хомута клячу в роспуски соседа Сабрая и поехал за женой. Она встретила его, как и вчера, тупым молчанием, не спеша собрала свой нищенский скарб — одеяла, перину завязала в узел. Кое-какую посуду в старый сундучок, а самовар, единственную стоящую вещь, оставшуюся от родителей, бережно взяла в охапку. Подложив под себя узел с тряпьем, пристроив сундучок, пастух сел на передок, а женщина, свесив ноги, устроилась на задке. Лошадка везла лениво, не ускоряя шаги даже под уклон. Акэ то и дело крутил над головой концом вожжей и покрикивал:

— Но-о, пошла! Уснула, что ли?!

Лошадь дергалась и через несколько шагов снова засыпала.

С тех пор, как выехали из деревни, пастух ни разу не оглянулся. Но уже подъезжая к мосту, вдруг почувствовал, что лошадь везёт как-то легко, словно разгрузили роспуски. Оглянулся — бабы на задке нет. Где же она, вроде села, поехала? И тут степные глаза пастуха разглядели в двух километрах бредущую обратно фигуру женщины с самоваром в охапке. И догадался: когда лошадь дёрнула, женщина упала и осталась на дороге. Пастух выругался: «Акинг авзынг!» — и повернул назад. Догнав ее, спросил:

— Ты чего это делаешь, а?

— Я упала.

— Упала... Зачем пошла обратно?

Она не ответила.

— Садись и больше не падай. Не туда, вот здесь сбоку, ближе ко мне.

Когда подъезжали к мосту, она вдруг спросила:

— Как тебя звать-то?

— Галимнур я. А тебя как?

— Сахиба я. В деревне прозывают Большая Сахиба. — И, помолчав, вдруг выдала:

— Может, не надо, а?

— Чего не надо?

— Жениться на мне не надо.

— Это почему не надо?

— Люди смеяться будут.

— Пусть они над собой смеются.

Когда ехали по деревне, любопытствующие рожи прилипли к окнам, некоторые выходили за ворота — глядите-ка, Акэ везет жену!

Не привыкшая жить ни часа без работы, молодая жена с первых же дней принялась восстанавливать вконец рухнувшее хозяйство пастуха. Из остатков кирпича и камня — треснувшую плиту с кругами и трубу она нашла на задворках в свалке — она слепила очаг. Над избушкой за клубился дымок. И пылал семейный очаг, и в избе запахло горячим варевом. Перешив и укоротив ветхую одежку отца, Сахиба худо-бедно придела своего муженька.

А деревенские трепачи и хохмачи и даже в тихой, опрятной жизни Галимнура и Сахибы находили что-нибудь для насмешек. «Говорят, Акэ спит на своей бабе, как на перине». — «А как же, если он будет спать под боком, она запросто задавит его».

Теперь они пасли деревенских овец вдвоем. Акэ, как обычно, шагая впереди, вел стадо, жена с едой в холщовой сумке плелась следом. Но к полудню она шла к стойбищу, где задымил костер и готовилась еда.

Осенью и зимой они оба работали на ферме, она доярила. Языкастые бабы на ферме, особенно когда пропускали по рюмочке, допытывались у Сахибы:

— Как он там с тобой?..

— Старается, — лениво отвечала она.

Нас, испорченных подростков нашего аймака, хулиганов и воришек, тоже разбирало нездоровое любопытство. Однажды вечером мой дружок Бакый и я поднялись на завалинок и стали прислушиваться. Вдруг, как-то почуяв наше воровское присутствие за окном, выскочила Сахиба и, жутко матерясь мужским голосом, выкрикивая и по-нашему, и по-русски такие слова, которые стесняются произносить даже пьяные мужики, прогнала нас. Потом мужики спрашивали у пастуха:

— Где научилась твоя баба такой матерщине?

Акэ ответил:

— Она же и трактористом работала, и на лесозаготовку каждый год её посылали.

Потом родился Акэ-малай. Правда, играть с ним я не играл. Когда он родился, я уже играл в бабки с ребяташками нашего аймака, а в свою «банду» малолеток мы не пускали.

Так и прожили бы свою простую жизнь эти очень простые люди, от которых не было вреда ни природе, ни человеку. Если бы...

Угроздило же пастуха поехать весной в Тирлян к русскому «знакомому» Мукасееву. Мукасеев нанимал пастуха на разные работы: дров привезти из лесу, распилить, расколоть и сложить поленницу и что-нибудь починить по хозяйству. Акэ выклянчивал у бригадира колхозную лошадку и, пообещав завтра же вернуться, исчезал на неделю. Ездил на отпусках соседа Сабрая, смастеренных для возки дров, но неудобных для дальних поездок. В этот раз взял с собой жену и сына. Акэ-малаю он хотел показать паровозик, свистящий и фыркающий возле листопркатного завода. Когда ехали в Тирлян, лед на реке еще стоял крепко, хотя дорога уже вытаяла из-под снега.

У Мукасеева, как всегда, работы хватало. В бане каменька прогорела, а по части печей Сахиба была мастерица. Разобрала и сложила новую каменьку. Потом заменили подгнившие полы. Жили, сытые от русской еды тети Маруси и хмельные от самогона. Так пошла вторая неделя. Мукасеев сказал:

— Галимнурка, тебе, чать, пора в путь, лед тронулся, скоро с гор придет большая вода. Или лучше повремени, пока река в межень вернется.

Пастух, проживший юные годы в казахской степи, не знал норова горных рек. Ему казалось, что эту речку, которую можно перемахнуть одним прыжком, лошадь перейдет, не промолив даже брюхо. Но резко потеплело, и в горах, в горных лесах и распадках стали бурно таять снега.

Не вняв предупреждению «знакома», пастух с семьей подался домой.

Река взбухла, но еще не вышла из берегов. По прежним летним и осенним приездам он помнил: вода на броду была лошади только по колено. Сейчас, надо полагать, всего под брюхо. Глубже — тоже не беда. Лошади воды не боятся. На всякий случай, мальчика посадил верхом вместе с собой, а Сахиба, подобрав ноги, ехала на отпусках. Но случилось так, что телега в середине реки погрузилась в

воду, а Сахиба тоже по пояс оказалась в воде. Деревянная телега соседа Сабрая не была пригодна для переправы через реки. Вернее сказать, на шкворне не было чеки, телега всплыла и освободилась от передка. И поток понес её вместе с Сахибой в яму ниже брода. Она же, выросшая на мелкой речке, не умела плавать и боялась глубокой воды. Но не звала на помощь и, погружаясь в поток, только смотрела на мужа и сынишку, благополучно добравшихся до противоположного берега. И ушла вместе с телегой под воду. Пастух побегал по берегу, крича: «Сахиба, где ты там?!» — и, не найдя её ни в воде, ни на берегу и, не услышав ответного голоса, вернулся к лошади, сел и заплакал, приговаривая: «Ой, Сахибжан, женушка моя, не брал бы я тебя в Тирлян, если бы знал, что ты утонешь в этой реке!» И потом долго еще плакал, повторяя: «Ой, Сахибжан..!»

В сорок первом году я уехал в ФЗО и о дальнейшей жизни пастуха ничего не знал...

Умер он, вероятно, все-таки в сорок четвертом. Это был самый голодный год войны. Страна истощилась, земля, обрабатываемая вполсилы бабами, подростками и стариками, тоже истощилась и оскудела, справных лошадей забрали в армию, тракторы ломались. Все на фронт, все для победы!

Нам на фронте сытную еду давали только перед боем и, если доживешь, в бою во время короткой передышки. Американская свиная тушенка, которую мы прозвали «вторым фронтом», не утоляла наш голод.

А в деревнях колхозники, вернее, жены и дети воюющего или уже погибшего колхозника, если с осени забили и съели овечку, того хуже, корову, не заготовив по малосильности кормов, голод наступал уже в начале зимы, когда земля, годами кормившая человека, покрывалась ледяной коркой, на которой на тысячи вёрст во все стороны не было ни крошки съедобного. Саранку и какие-то коренья выкопали еще с осени, колоски на стерне сразу же после жатвы подобрали. Не пухли от голода только те, у кого имелся припрятанный впрок краденый запасик или те, у кого были волчьи ноги и звериная хватка.

Умерших хоронить было некому. У истощенных людей не было сил не то чтобы долбить мерзлую землю, но даже поднять лом. Умерших, когда еще было тепло, бросали в шурфы, оставленные старателями. Потом, когда всё вокруг сковало лютым морозом и замело, стали закапывать в навоз за фермой. Эти холмы перепревшего навоза потом заросли дурным сорняком, и этот перегной под непролазной крапивой, лебедой стал братской могилой героев тыла... Очень возможно, там же и кости маленького пастуха. Кто бы стал копать для него могилу?.. Конечно, сыну его, этому постаревшему Акэ-малаю, я не мог сказать об этом — пусть думает, что его отец покоится на кладбище.

Мы вошли в воротца кладбища, и я повел приезжего к ближайшему к деревне краю родного некрополя. На могилах умерших в годы войны от голода и болезней не ставили оградки и памятники. В лучшем случае вкапывали в холмик дощечки, на которых кто-нибудь из родни химическим карандашом чиркал имя умершего. За многие годы эти доски сгнили и рассыпались в труху. Кое-где угадывались эти холмики, густо заросшие какой-то грубой осоковатой травой, некоторые могилы провалились, и мнилось, что из этих провалов тянет подземным холодом, плесенью и сладковатым духом тлена.

Потоптавшись на этой печальной траве и не найдя могилки пастуха, мы вышли из кладбища. Приезжий закурил и спросил:

— В какую сторону ближе к остановке автобуса?
Я показал, в какую, и сказал:
— Не уезжайте на ночь глядя, переночуйте у меня.
— Спасибо. Лучше поеду, — ответил он и, прощаясь, произнес: — Думал поставить на его могиле памятник, а тут... трава.

Лесник

Однажды в мой очередной летний приезд в деревню на улице ко мне подошел странный мальчик. Странность его была в том, что он, подойдя ко мне, взрослому человеку, всматривался в меня лучистыми глазами так, как будто пытался разглядеть в моей ничем не примечательной фигуре что-то необыкновенное, влекущее, но непонятное.

— Дяденька, вы поэт? — вдруг спросил он.

— Я не поэт. Я пишу прозу, — сухо ответил я, желая, чтобы мальчишка с неуместным вопросом убрался прочь, и понимая, что слово «проза» вряд ли известно ему. Но мальчик не понял мое нежелание поговорить с ним о поэтах и не убрался. И продолжал раздражать меня, по моему тогдашнему ощущению, дурацкими вопросами:

— Дяденька, что надо делать, чтобы стать поэтом?

— Ничего не надо делать, а просто надо писать стихи, если есть у тебя талант. И если ты даже талантлив, тебе целой жизни не хватит, чтобы стать поэтом. Ты что, пишешь стихи? — спросил я и тут же пожалел, опасаясь, как бы он не предложил почитать или послушать.

После Литературного института, закончив который, из моего курса ни один «гений» не стал заметным писателем, после моих московских неудач я стал относиться подозрительно к людям, пытающимся выбрать литературу жизненным поприсцем для самоутверждения или, того хуже, ради славы и денег.

— Да. Целую тетрадь написал. Учительница Зоя Валиевна говорит, что у меня талант.

— Твоя учительница не сказала тебе, что надо много учиться, много читать и научиться мыслить? Если даже не станешь поэтом, будешь образованным человеком и интересно будет жить. Если хочется писать — пиши...

Видно, осмысливая не очень понятные для него советы, он помолчал, и я, подумав: как бы мальчик не увязался за мной на речку, куда я шел, как обычно, прогуляться после обеда, повернул обратно и скрылся у себя во дворе.

Потом, уже после перестройки, после тех достопамятных лет, когда побывал в писателях, даже, кажется, слегка известных, пока не спихнули меня в маргиналы кухонные и офисные «гении», я «вновь посетил» родную деревню.

Как-то раз или, вернее, как всегда летом в хорошую погоду, в большом пруду выше деревни я пытался поймать на спиннинг рыбу, полдня махал удилищем — ни одной хватки. И, усталый, унылый, направлялся по шоссе к деревне. Вскоре меня догнала повозка, остановилась, и возница, назвав меня по имени, пригласил подвезти. То, что меня знали в деревне, звали по имени, для меня было привычно, но сам я многих, особенно молодых, не знал.

— Кем ты будешь? — спросил я, когда поехали.

— Дамир я. Не помнишь?

Таких молодых мужиков, возмужавших к девяностым годам детей войны с обветренными лицами, попахивающих табаком и водкой, бедно одетых, я вовсе не мог знать.

— Дамир. Что-то не припоминаю. Откуда едешь-то?

— Из лесу, вестимо...

Ответ меня насторожил — знает Некрасова. Значит, не такой уж простой мужичок, а из тех, кто понесет с базара Белинского и Гоголя.

— К сосёнкам своим ездил, — добавил он.

— К каким сосёнкам?

— Лесник я, — чуть заметно досадуя, ответил он. — На посадку ездил. Вон там, на Китек-аяке, растут мои сосёнки. Лет через шестьдесят такой бор там вымахает... поэма!

Я уже догадался, на чьей телеге еду. Это был тот самый странный мальчик, который однажды спросил у меня: «Что надо делать, чтобы стать поэтом?», а теперь встретился со мной во взрослой ипостаси. Тогда я посоветовал ему учиться, много учиться и читать. Видно, закончил лесной техникум и стал лесником.

Колхозники моей деревни, малограмотные или окончившие четыре или семь классов, старались, чтобы их дети не остались, как они сами, необразованными и сирыми, а выучились и вышли в люди. Еще лучше, если бы убралась подальше от навоза. Но ведь редким удавалось пробиться в институты, тем более в университет. Неудачники поступали в разные техникумы и заочные институты. Некоторым с дипломом удавалось зацепиться за городской асфальт, кое-кто возвращался к земле и пополнял председателей-неудачников или, того хуже, алкоголиков. А лесники, вернувшись к родным лесам, лет десять поработав в лесхозе, тоже спивались.

В наших деревянных деревнях, обогреваемых по зимам березовыми дровами, часто рубаемыми воровски, лесник был уважаемым человеком. Его «уважали» за то, что он на незаконных дровосеков смотрел сквозь пальцы, потому что не только в своей деревне, но и в соседних деревнях все были свои. Как он мог друга детства или шурина оштрафовать? Как потом жить с ними? «Леса на наш век хватит. Все равно перестоят и рухнет в бурю». Уважали, приглашали и подносили. В моей деревне спились на моей памяти мой родственник Фарид, мой сосед Хайрук, а рьяного охранника, от которого никому не было спуска, Бадритдина, кто-то убил в лесу...

— Стихи пишешь? — спросил я.

— Пишу. Уже два тома написал.

— Это как у Маяковского. «В деревнях — крестьяне... Каждый хитр. Землю попашут, напишут стихи...»

— Я бы так: «В деревнях сидят лесники, водочку попьют, напишут стихи», — произнёс он и хохотнул.

— Печатают?

— Нет. Отовсюду возвращают. Пишут: есенинщина, копание в своей больной душе. Безыдейные стихи. Башкирские журналы меня не печатают, потому что я ведь пишу по-русски. Отец хотел, чтобы я, одаренный мальчик, получил хорошее образование и отдал меня в русскую школу в Уральск. Я так начитался русских стихов, и свои складываются в голове только по-русски, так что я при всём желании не смогу писать по-башкирски.

— Пиши по-русски, только пиши. И вот тебе мой совет. В том, что подражаешь Есенину, ничего плохого нет. Все подражают кому-нибудь. Но держись подальше от водки. Сколько талантов она загубила. Гениальный Есенин — и тот...

Он помолчал и ответил грустно:

— Я понимаю... Но жить в наше время в деревне и не пить... Ведь вокруг пустыня. Это как у Пушкина: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...» Поговорить не с кем. Чтение книг и писание стихов считают придурью. Жена тебя не понимает... Если бы не лес и мои сосенки... Когда не поступил в престижный институт, считал себя неудачником. Теперь не жалею...

— Баллов, что ли, не набрал?

— Набрал. Но решали не баллы. Сам знаешь... Из района нас было трое. Один — сын начальника районного ОРСа, другой — председателя колхоза, третий — пасечника, ты его знаешь. Тупаки. Получили дипломы, а где они сейчас? Один подался на Север, другой бездельничает и спивается, третий погиб в Афгане. Земля ему пухом. Не жалею.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Прочитал он и хохотнул. И повернул к воротам добротного дома. Я поблагодарил и ушел восвояси. В том году я его больше не встретил.

На следующий год, как обычно, приехав в деревню в мае, я от соседки, которой всё обо всех было известно, — житейских неурядицах и соре, который не принято выносить из избы, узнал, что от лесника Дамира ушла жена, что Дамира она редко видит трезвым.

И вот однажды я встретил его на улице. На том же месте, где встретил много лет назад странного мальчика, — напротив дома, вернее, у ворот спившегося вконец Камала, кому дружки-алкаши помогали пропивать пенсию. Дамир был выпивши, как будто обрадовался мне и тут же начал читать стихи.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою
И уйду бродягой и вором.
Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.
Весной и солнцем на лугу
Обвита жёлтая дорога,
И та, чьё имя берегу,
Меня прогонит от порога.
И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зелёный вечер под окном
На рукаве своём повешусь.
Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.

И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.
А месяц будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам...
И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

У него по испитому лицу текли слезы.

Я сказал:

— Есенин.

— Разве? А я думал — мои. Так похожи на мои...

И вдруг, потеряв интерес ко мне, побрёл прочь.

В том году после мимолётной майской грозы за всё лето не выпало ни капли дождя. Казахский суховец высушил небо над Южным Уралом. Не успевшие зазеленеть склоны холмов выгорели, на лугах не поднялась кормовая трава, зерновые зачахли на корню. Уже в июле листья на берёзах стали желтеть и опадать. Обмелела и стала зарастать какой-то ядовитой травой река, небо целыми днями было голое и пустое, его прозрачная голубизна наводила тоску.

Беда одна не ходит: задымила высушенная зноем травяная ветошь, сухменный ветер раздувал пламя, и огонь перекинулся на деревья. Горели горные леса севернее нашей деревни, горели заповедные сосновые боры. Синеватый дым, пахнувший гарью, застилал горы, долины. Задымила посадка на склоне Киткая, горели сосёнки лесника Дамира.

Пожилые люди говорили: «Ахырзаман, конец света». Хотя люди, многожды пережившие природный ахырзаман — засуху, недород, потопы, ураганы, привыкшие терпеть и выживать, не очень тревожились и повторяли: «Лишь бы не было войны», ибо настоящий ахырзаман — это война.

Возле сельсовета я встретил Дамира. Он был трезв, но вид имел побитый и загнанный. Лицо было в саже, брови опалены. На мой вопрос, что с ним, ответил, что ездил на посадку и берёзовой веткой пытался сбить пламя.

— Разве в деревне нет пожарных?

— Нет. То есть, были когда-то, но эти демократы... Как пожар — звоним в район или в Уральск. Пока приедут — на месте дома только обугленные брёвна и пепел. Если даже приедут, как они поднимутся по крутому склону? Когда я сажал, тракторы с трудом взбирались, чтобы пропахать борозду.

— А если организовать народ?

— Сказки! — с обидой ответил он. — Что этот твой народ, в ведрах будет таскать воду за три километра из пруда? Да не пойдёт народ, — помолчал и добавил: — Пропали мои сосёнки!

Ахырзаман продолжался. С юга, поднимая земной прах, дул горячий ветер. Загорелась и вспыхнула чья-то изба на углу проулка. Ветер погнал ревящее пламя к соседнему дому, этот дом, вспыхнув, как стог соломы, поджёг следующий и дальше стали взрываться газовые баллоны. Когда огонь лизнул стены сарая старухи Талибы, она лишилась языка. Кто успел, вынес почти из огня кое-какой скарб, телевизор, одежду, молодые, сильные мужики выволокли даже холодильники. Люди, прибежавшие из соседних улиц, стояли и смотрели на пожар. То ли это для некоторых было зрелищем, то ли шоком. Между людьми, у которых

сгорали дома и трудом нажитое добро, и теми, до которых огонь не дошёл, возникло какое-то странное, непонятное даже самим чувство: не сочувствие, не злорадство, а, быть может, отчужденность. Но нашелся среди людей добрый молодец, сел на бульдозер и пошел на огонь, въехал в гудящее пламя рядом с домом старухи Талибы и пропахал ножом загоревшийся сарай, другие охваченные огнем строения и остановил пожар. Но девять домов в центре деревни ахырзаман слизнул огненным языком.

Многие знали, откуда пошел огонь, знали, что хозяин углового дома гнал в предбаннике самогон, знали и помалкивали, чтобы не пострадала многодетная семья, и многие охотно поверили слуху, будто от осколка стекла загорелся мусор...

Назавтра возле правления я опять встретил лесника. Он был пьян и жалок. Вместо приветствия он произнес:

— Погибли мои сосёнки! Какой лес мог бы вырасти!

Раздраженный его видом, я ляпнул ему утешительную пошлость: дескать, чего убиваешься, вокруг сколько леса, лучше его береги.

— Его вырубят. Смотри, сколько вырубок на склонах хребта? Оголяют гору, скоро останутся голые камни. Для посадки нет денег. Это поджог. Кому-то мешали мои сосёнки. Кто-то подстроил...

— Ну кому надо было поджигать посадку? Может, кто-то проходил и окурок бросил в сухую траву.

— Ты еще скажи: трава загорелась от осколка стекла или от капли росы. Бред! Ты же долго жил, лучше меня знаешь. Только человек вредит лесу, воде, воздуху. Курил какой-то дебил и бросил в траву непотушенный окурок, бросил не нарочно, не хотел поджога, но он все равно негодяй, преступник. Я вот за Красной Скалой — там тоже посадка, до войны школьники сажали — прибил доску: «В лесу курить запрещено!» Смеялись. Ты же знаешь, сколько людей, ненавидящих книги, поэзию, талантливых людей... И природу!

— Больше равнодушных. Или завидующих талантливому и образованному человеку.

— Нет, ненавидящих. И не думающих. Не видящих красоту мира. Смысл мира. Я тебе не надоел своей пьяной рожей? Если не надоел, я выскажу одну свою мысль. Вот в космосе звезда, мы называем ее солнцем. Горит, освещает. И вокруг нее крутится небольшой каменный шарик, на три четвертых залитый соленой водой. И там, где нет соленой воды, на этих камнях растут деревья. Деревья! Дуб, сосна, ель, пихта, береза, липа и еще какие-то. Почему только не одна сосна или береза? А-а-а! Природа знала, что людям нужна не только древесина, а нужна и красота. Как красивы деревья. Поэзия!

— Бог знал, — поправил я.

— Для меня природа — тоже Бог. Слушай, деревья — это подарок разумному человеку. Разумному. Они живые. Есть ли у них разум, я не знаю. Но они святые. Они делают добро, дают кислород, украшают землю. А мы их убиваем, жжем. Вот еще у меня такая мысль. Умрет человек — зловонье от него и торопятся скорее спрятать труп под землю, умрет дерево — как оно пахнет, как приятно пахнут ель, сосна, пихта, а клён, как пахнут стружки, доски... Где-то я читал, святые люди после смерти тоже не смердят... Ладно... Хочешь послушать стихи? Не Есенина, а мои?

И, не получив ответа, хочу я или нет, он начал читать:

Когда умру, не врите,
Что я хороший был шагир.
Лучше тихо похороните
У подножия горы Мышагыр.
И постояв в раздумье,
И печалюсь слегка,
Идите слушать в лесном шуме
Печаль поэта-лесника.

Прочитав, он вопрошающе посмотрел на меня.

— Плохо! — сказал я.

— Я сам знаю, что плохо. Я же не Есенин.

— Плохо то, что в стихах твоих много о смерти...

— А что делать, если вокруг такая жизнь...

— Пить не надо. Это гибельный путь... Будешь пить, ничего не добьешься.

Живи трезво... — изрек я то, что уже как-то говорил ему.

Лесник на минуту уставился в меня глазами того странного мальчика, словно хотел разглядеть меня, пытаюсь понять во мне что-то ему непонятное, но, видно, не поняв, махнул рукой, отвернулся и пошел прочь.

Больше в том году я его не встретил.

В следующем году, приехав в деревню весной, я слышал, что он зимой рухнул в запой и, не вынеся похмельную тоску, повесился.

Обгоревшие сосёнки поэта-лесника, переболев какое-то время, в дождливое лето снова начали расти.

Пахарь

Свою девятнадцатую весну я встретил далеко от родных гор, лесов и полей — на чужбинной германской земле, называемой Померанией. Если за Одером трупы убитых в зимних боях солдат, немецких и наших, вытаяв из-под снега, валялись на пашнях там и сям, то в Померании согретые весенним солнцем пашни как будто ждали пахаря. Хотя и здесь война всё ещё шла. Немцы уносили ноги на запад, но изредка огрызались. То били по наступающей колонне из ночной тьмы, то, засеив на деревенских и хуторских чердаках, открывали огонь, часто это были не солдаты, а юнцы, случалось, и девицы. Встретив огонь, мы вмиг слетали с сёдел, отдав коней коноводам, пластались по земле. Как-то раз пулемётная очередь взрыхла землю прямо перед моей рожей (если бы пулемётчик взял чуть выше, я не писал бы об этом), и влажная померанская земля, забрызгавшая моё лицо, пахла так же, как на нашем огороде и на пашнях за деревней.

За километр до этого хуторка мы спешились, передали коней коноводам, пошли пешком. Небогатый дом с крыльцом, хлев и сарай с высоким чердаком и колодец с журавлём были приметой скромной и аккуратной жизни немецкого крестьянина. На крыльцо выглянула женщина и скрылась. Немки нас, чужезычный народ с монгольскими скулами, дико боялись. Как и во всех войнах, грехи своих мужчин искупали они...

Осторожно, держа карабины наготове, мы приблизились к дому. Кроме квохтания курицы и верещания переживших зиму воробьёв, не было никаких голосов

и звуков. Там, к востоку от Одера, где не было населения, мы просто заходили в дома — двери были не заперты, наверное, для того, чтобы чужие солдаты не ломали их. Правда, в этих пустующих домах ничего не было. А теперь по фронту был приказ командующего: цивилизованное население не обижать, дома не грабить, а за насилие над немецкими женщинами — трибунал...

— Гайнуллин, чердак проверь, — приказал мне помкомвзвода.

Отомкнув штык кавалерийского карабина, по лестнице, прислоненной к стене сарая, я поднялся на чердак. Там было сено, и оно пахло так же, как пахнет сухое сено на нашем сеновале над хлевом. Я несколько раз пырнул штыком кучу и, не обнаружив ничего подозрительного, спустился вниз.

Пока коноводы подадут коней, взвод отдыхал. Отдыхали колени от стремян и задницы от кожи седла. Курили, переливали из пустого в порожнее, слушали сержанта Винокура, который считался у нас самым умным «копытником». Я не любил этого рыжего рослого парня. Вернее сказать, побаивался его. Он со своими тремя лычками на погонах числился моим взводным, хотя весь взвод, всего пятнадцать конников на пятнадцати «монголках», был всего лишь отделением. В серых навывкате глазах сержанта я видел столько равнодушия ко мне, которое иногда сменялось презрением и насмешкой, что не понимал, за что. Может, такое отношение ко мне, как к нерусскому? Но он дружил с Мустафиным, взводным стукачом и подхалимом, рьяно угождающим командиру роты старшему лейтенанту Ковригину, который тоже не очень меня жаловал, к тому же был ко мне слишком требователен. Остальные и выпьют, и у пленного часы отснимут или просто ради забавы пристрелят его — не замечал. У меня в переметной сумке была фляга со спиртом, налитом на спиртовом заводе, узнал (конечно, Мустафин донёс), вылил и флягу выбросил. Я думал, что Винокур терпеть не может мою дохлую фигурку потому, что догадывается, что я о нём думаю. А думал я о нём так. Как этот грамотный городской парень, который до войны лошадей-то видел только в кино, попал в кавалерию, когда для него нормально было бы сидеть в штабе, служить в тяжёлой артиллерии или быть ординарцем у пехотного майора. Неприязнь ко мне он выражал так. Докладываю ему: «Товарищ сержант, на подкове моего коня шип сломался». Он мне: «Заверни другой». Я ему: «У меня нет». И он, резанув меня металлом выпуклых глаз: «Хороший кавалерист подковы и шипы должен возить в переметной сумке и сам подковывать своего коня».

Я козырнул помкомвзводу Морозову и доложил, что на сеновале ничего не обнаружил. Маштаков, подковырчик и ехида, произнёс:

— Ты, наверно, плохо искал. Там под сеном баба прячется, сходи ещё раз поищи.

— Зачем ему баба? Он же у нас ещё целка, не умеет с ней обращаться, — сказал Винокур.

Те, которые, видно, знали, как с ней обращаться, заржали.

Когда подхалимы Винокура пытались, просто от нечего делать, задеть меня подковыркой, насмешкой, я всегда смотрел на старшего лейтенанта Ковригина. На гражданке он был учителем в каком-то уральском селе. Учитель в моём подростковом понимании был человеком необыкновенным. Самым добрым, самым справедливым. Господи, я ведь всё ещё был учеником седьмого класса, который закончил как раз перед войной. А у Ковригина война, по моим ощущениям, вытравивала всё учительское, разумное, доброе. Ребята насмешничали надо мной, а на лице лейтенанта — выражение отдыхающего после боя старого солдата.

Мы сидели рядом с калиткой возле штакетника. Там стояла лавочка, на которой, видно, хозяева посиживали, отдыхая в часы досуга, точно как у нас возле палисадника с сиренью. Но эта лавочка была со стороны двора. На лавочке расположились старший лейтенант, сержант Винокур и дружные с ним, вроде Маштакова. Задворки мимо сарая и хлева были открыты и дворик без ограды переходил в поле, более обширное, чем просто наш огород. По этому полю далеко тянулась вспаханная черная полоса, с того конца в сторону двора медленно двигалась большая рабочая лошадь, а за ней виднелся человек — это хозяин поля шел за плугом. В эту пору у нас ещё не пашут. Но в Германии тепло уже в марте; вспомнилось, как я, подросток, в начале войны пахал колхозное поле за речкой Тальшман. По мокрой холодной борозде я шёл босиком и стегал лошадь кнутом, стегал и жалел. Вечером бабушке сказал, что жалел лошадь и норму не вспахал, и бригадир Муллахмат ругал меня, и спросил у бабушки, почему лошади, большие, сильные, умные, терпят тяжёлый труд, кнут, а не убегут в лес, в горы. Бабушка сказала, что я мелю несуразное, что лошади бог велел помогать человеку, что лошади жалеют человека, поэтому терпеливо работают на него.

Теперь я, всего четыре года спустя, тот же безусый подросток, далеко от реки Тальшман, вооружённый «копытник», на марше встречаю свою девятнадцатую весну и в минуты короткого передыха, пока немец не стреляет, вижу, как человек пашет землю. Если уж пахарь идёт за плугом, значит, войне действительно конец.

Я не знал и даже не гадал, что чувствуют, о чём думают остальные. Их тоже, молодых, созревших для мужской жизни (кроме Морозова и стариков-коноводов), томила весна, и они, судя по их насмешливому веселью (хотя, когда не стреляют, на войне всегда весело), предвкушали скорый конец войны, который сулил им весёлую дорогу домой, встречу с родными и женщиной. А в моей душе не было всего этого. В деревне не было у меня ни избы отцовской — продали ещё до войны, чтобы купить мне, сироте-голодранцу, штанишки, ни отца, ни матери. А родне, разоренной войной и голодной, я подавно не нужен. Вернуться в колхоз и после того, как я повидал немецкие города, входя в них с боями, снова подчиняться бригадиру Муллахмату или старому дураку Шарипову, который, наверное, всё ещё ходит в председателях... А для девушки, которой из армии я писал письма со стихами, на которые она мне не ответила, я, конечно, по-прежнему черномазый голодранец. Лучше бы уж она, эта война, не кончалась, не затихала до края света, и мы, изредка воюя, всё ехали и ехали бы на своих монголках...

Лошадь и пахарь дошли до ближнего конца пашни, и лошадь, как обычно делают обученные к пахоте лошади, развернулась обратно и встала в борозду. В это время женщина вышла на крыльцо, поглядела на пахаря и ушла в дом. И пахарь, рослый немец, в ничем не примечательной серой одежде и кепи с длинным козырьком, стал весь виден.

— Смотрите, у него нет левой руки! — произнёс Винокур, как бы радуясь этому открытию. — Воевал, мразь фашистская!

Я тоже разглядел немца: левый рукав его куртки был пуст и пристегнут к карману. «Ну и что?» — подумал я. И, вторя моей мысли, старший сержант Морозов произнёс:

— Ну и что, что воевал? Найди ты сейчас человека, который бы не воевал.

— Не одного нашего, наверно, прикончил, гад! — теперь уже, озлобясь, проговорил Винокур.

— Может, партизан наших вешал, хаты поджигал, — без злости и как бы даже задумчиво произнёс Маштаков.

Винокур оторвал задницу от лавочки, взял прислоненный к штакетнику карабин, клацнул затвором и двинулся к немцу. Мы с любопытством следили за его широкой спиной и рыжим затылком — что будет дальше?

Подойдя к пахарю, который начал новую борозду, Винокур гаркнул:

— Х-а-а-льт!

Остановив лошадь, немец обернулся. Лицо его было спокойное. Он легко улыбнулся, как от неожиданной шутки. Винокур показал рукой в сторонку. Немец отошел и повернулся к русскому шутнику. Винокур вскинул карабин и выстрелил. Рослый немец упал на спину, не подломившись.

Винокур вернулся к штакетнику, прислонил карабин, сел и нервно закурил. Остальные хмуро молчали. Я, как всегда в таких случаях, посмотрел на старшего лейтенанта и увидел лицо отдыхающего после боя солдата.

— Ну зачем ты это сделал!? — проговорил старший сержант Морозов.

— Я выполнил приказ, — ответил Винокур.

— Какой приказ?

— Вы что, газет не читаете? «Убей немца, сколько увидишь, столько и убей».

— Когда это было... Уже война кончается...

Тут я заметил, как жена немца, вышедшая на выстрел, замерла на крыльце. И почувствовал тоскливую жалость к убитому немцу, к его жене, которая осталась одинокой с недопаханным полем, и почувствовал такую ненависть к Винокуру, какую не испытывал даже к врагам-немцам, и пожелал ему смерти в следующем бою.

— Он не виноват... Его фашисты заставили воевать... Он солдат... Он не виноват! — выпалил я.

— Они все виноваты... Все до единого, — отозвался Винокур, осклабясь в улыбке.

Женщина спустилась с крыльца и как-то неуверенно направилась к убитому мужу. Это была простенькая на вид деревенская женщина, каких много в России, и в нашей деревне. Крестьянка. Она ждала своего пахаря к обеду.

Подойдя к мертвому мужу, она всматривалась в него, молча, недвижно и вдруг с непонятной для меня решимостью быстро пошла к воротам сарая и скрылась за ними.

И тут коноводы подали коней, и была команда «По коням!», и мы тронулись дальше. То ли к новым боям, то ли к концу войны.

Не успели отъехать от хутора, Маштаков вышел из строя, проскакал назад и, оставив коня у штакетника, вошел во двор, по лестнице проворно поднялся на чердак и тут же быстро слез, и когда он уже садился на коня, над сараем закурился дым. Потом дым загустел, сделался черным и за клубил над хутором. Потом высунулись языки пламени. «Копытники» весело поглядывали назад. Черный клубящийся дым над хутором — это была всего лишь веселая картина войны, привычная, как и вытаявшие из-под снега трупы на пашнях и напуганные, измученные женщины поверженной страны.

А жена немца так и не появилась из сарая...

У Ы Ш Й Р М Е Н Д

Хикәйә

1943 йылдың 9 гинуарында Кунакбай ауылының ун һигез йәше тулған ун бер егетенә армияға алыныузары тураһында кағыз тотторзолар. Фуат өсөн был ғәзәти хәл тойолдо. «Һуғыш сыккан!» тигән яман хәбәр килгәндән һуң ауыл алтмышлаған ир-егетен яу кырына озаткайны инде. Көн үтә, ай үтә, һуғыш, әзәм йоткан аждаһалай, инде йәш-елкенсәкте лә һура. Ауыр за, борсоулы ла мәл. Әммә тәкдирзән қасып булмай.

Атаһы Фуаттың һалдатка алыныуына башкалар һымак һушы алынып көймәй: «Егет кеше ер кеүек, ул ауырлык күтәрә», — ти зә куя. Үзе дүрт йыл хәрби хезмәттә, өс йыл герман һуғышында йөрөгән. Кавалерист, полк командирының ат тотоусыһы, ординарецы ла булған. Шулай за күз караһылай улының бөтөнләй башка алышка китәсәген уйлап, һиззәрмәй генә хафалана. Артык мохтажлык күрмәй, ғазап сикмәй үскән балаға әрмегә һәм артынса ук яуға китеү ау-йәтмәгә эләгеү һымак тойолмаһа, ауыр хис-кисерештәргә дусар қылмаһа ярай за... Шуныһы тынысландыра: улы үзенә окшаған, түзер, бирешмәс.

Атай менән инәй шым ғына һөйләшеп, кәңәшләшеп, ғәзиз улдарының өс-башын хәстәрләй, юлына азык-түлек әзерләй. Бына хушлашыр мәл дә етте. Фуаттың аяғында — сарык, өстөндә — тула сәкмән, қулында — кисә генә бәйләнеп бөткән йөн бейәләйзәр. Өр-яңы беше токка сохари, какланған қаз, әпәй, бешкән бәрәңге, корот, йәнә ойок, бейәләй, тастамал, һабын, кәләм, дәфтәр һалынып, ауызы қысып бәйләнгән. Тистәрзәренең өстөндә иһә әллә ни юк, ризыктары ла тақыр, токсайза ғына. Бөтәһе лә етеш йәшәмәй шул. Мәгәр күңелдәре киң. Қарт-коро, қатын-қыз, бала-саға: «Юлығыз ақ, күңелегез пак булһын!» — тип, хәйерле тараф теләп, озатып қалды.

Тәүзә Учалы ауылында йыйылдылар. «Юшалы» күмәк хужалығының дүрт бригадаһынан да Фуат менән утығып үскән егеттәр бар. Кунакбайзан 110 сақырым алыслықта ятқан Мейәскә ике көн буйы қылтыраған, һәр ат арбаһына дүрт-биш центнер ашлык тейәп алып барған, қайтышлай төрлө хужалык кәрәк-ярағы, кәрәсин алып қайтқан, бөтә юл ғазабын бергә татыған малайзәр. Бер-береген күреп, күрештеләр, қуяныштылар.

Йыйык башынан алынғандарзың барыһын Туңғатарза тупланылар. Бында дүрт-биш егеткә бер егеүле ат һәм озатыусы беркеттеләр. Таныш ылау, инде әрме юлынан Мейәс қалаһына барып еттеләр. Тимер юл станцияһынан йырақ түгел ташландык баракта урынлаштырзылар. Ни табыла, шуны түшәп, өшөп, кейенгән қилеш изәндә йотқлап, азна буйы яттылар, нишләргә белмәй зарығышып бөттөләр. Фуат ата-инәһе хәстәрләгән, һарык йөнөнән һуғылып, кейезләп басылған туқыманан тегелгән тула сәкмәндең йылыһын, кәзерен бында нығырақ тойзо.

Ниһайәт, сафтарға тезеп, белешеп, ете һәм унан юғары синыф бөткән алтмышлаған егетте һайлап, вагондарға ултырттылар. Бөтәһенең дә телендә тынғы бирмәгән бер һорау:

— Беззе кайза алып баралар икән?..
— Тамукка түгел, куркмағыз, — тине әйзәүсе көлөп. — Ни бары офицерзар әзерләүсе училищеға.

— Кайза ул училище?

— Бына, әй, һезгә барыһын да белергә кәрәк. Барғас күрерһегез...

Яйык йорт егеттәренә исеме ятырак тойолған Бызаулык тигән каласыкка килеп төштөләр.

— Бызаулык... Қалай ирмәк исем! Бәлки, был якта һыйырлык та барзыр әле.

— Нимәһе ирмәк? — тине Туңғатарзан олорак йәштәге бер сая егет. — Хәйбулла яктарында Таналык йылғаһы ла бар. Назанлығығыззы күрһәтмәгез, белмәгәһегеззе һөйләп тормағыз!

Ятырға бойорзолар. Фуат бүскәрә биргән тоғон баш астына һалып, шундук күззәрен йомдо. «Подъем!» тип каты кыскырыуға тертләп уянды. Ах, шайтан!.. Төндә тоғон бысак менән телгәндәр, бер нәмәһе калдырмай сәлдергәндәр. Был урындағыларзың ғына эшелер, моғайын, сөнки юлдан килгәндәр арып-талып, барыһы ла үлек һымак йокоға талғайны. Ярай әле иртәнән үк ашханаға йөрөтә башланылар.

Хәрбиҙәр килеүселәрзе төркөмләп әңгәмәләшергә сакырта башланы. Инеп сыккандар төрлө һораузар биреп, белем кимәлдәрен, русса белеү-белмәүзәрен тикшереүзәрен әйтте. Әлбиттә, ауыл егеттәре йүнләп русса белмәй. Етмәһә, килгәндә поезд тәгәрмәстәре шақылдауы қолактарын томалаған. Фуаттың да башы һаман шаулап тора. Һынау тоталамы, юкмы инде?.. Сикәләре ағарған оло ғына офицер бик һынсыл қарап:

— Когда образована Рабоче-Крестьянская Красная Армия? — тине.

Егет яуап қайтарманы. Апырап қарап тик торзо.

— Тогда скажи мне, кто есть Семен Михайлович Буденный?..

Хәрби кейемдәге олпат кешеләр алдында қаушап, Фуат алып калды, бөтөнләй хәтерен юйзы. Анра һарык шикелле, һораузарының мәғәнәһен төшөнмәй «а-а-а?» тип торғас, уны сығарып ебәрзеләр. «Туң, назан» тигәндәрзер инде. Қайһылай оят, фәрлек!.. Алтмыш егеттең егермәһен генә училищеға алдылар.

Язмыштан узымыш юк, тип қалғандарға үз-ара уфтанышырға ғына қалды. Уфылдашқандарзы шундук Бызаулықтан да ебөрмәһеләр, дүрт-биш сакырымдағы йылға буйы әрәмәлегенән яғыулык өсөн короған ағас, ботак-сатак ташырға қуштылар. Фуаттың аяғындағы сарығы туззы, сылғауы күренә, сәкмәһе йыртыла башланы. Башқалар за өтәләгән этәскә окшап қалды. Бер-береһенә қарашып, ирештерешкән, мәрәкәләшкән булалар:

— Әфисәрзәрме тиһәм, меһкендәрсе...

— Без, йолқоштар, телһез байғоштар сыбык-сабык ташырға ғына эшкинәбез шул.

Кемдер төшөнкөлөккә бирелеп, өләсәһенән отқан бәйетте әйтеп ебәрзе:

Туған ерзән айырылып,
Йөрөүзәр бәлә икән,
Ошо һуғыш арқаһында
Күрәсәктәр бар икән...

Бер буранлы төндә уятып, сафқа тезеп, атлатып та, йүгертеп тә зур ғына ауылға алып барзылар. Иске мәктәп йортонда урынлаштырзылар. Һалдат кейе-ме кейзерзеләр, отделение, взводтарға бүлделәр. «Йолқош»тар күз алдында танымаһлык һомғол егеттәргә әүерелде лә қуйзы. Һуғыш қоралдары тоттороп,

улар менэн кайһылай эш итергә өйрэтә башлағастары, кәйефтәре тағы ла күтәрелде. Погондар кайтанан булдырылып, хәрби дәрәжәләрзең ни икәннен дә төшөндөрзөләр. Ашау ғына шәптән түгел. Юк-юкта ауылға сыкһалар, катындар бәрәңге, икмәк, һөт, катык биргеләй.

* * *

1943 йылдың апрелендә йәш һалдаттарзы ниңәлер Алкиндағы хәрби лагерға ебәрзөләр. Бер ротаға иҫәпләнгән, ер өҫтөнән азырак кына калкып торған бәләкәй тәзрәле еүеш ер өйгә килтереп индерзөләр. Ярты йыл ошонда тоттолар. Йомро аҫтаһан балта менән ярып, арлы-бирле королған өс катлы һикеләр — ял итеү, йоклау урыны. Бында ла кытлык, егеттәрзең эсендә бүреләр олой. Бирелгән шәкәрзе йәшереп йыйып, лагерзан сыкһанда бәрәңге йөймәһенә алмаштырып алғылайзар. Барыбер күззәр зә, карындар за ас. Кайнатылмаған мамык майы эсеп, эстәре китеп үлгән һалдаттар тураһында һөйләйзәр. Әле кан катыш эсе киткәс, Вәкил исемле егетте кайтарып ебәргәйнеләр. Үлеп калыуын ишетеп: «Нимес менән алышка ла барып етә алманы, эй-й, меҫкенкәй», — тип бик йәлләһеләр. Һәйбәт егет ине.

Аскаклау һиндәй генә хәлгә төшөрмәй, яфаға калдырмай. Ашханаға Фуат менән бәрәңге әрсергә барғанда Миңлеғәле һиззәрмәй генә өс йөз грамм самаһы сей ит алған, сәйнәгән-сәйнәгән, ашай алмаған. Ташлаһа булған да бит... Кеҫәһендә бер-ике көн йөрөгәс, ит һаҫый башлаған. Һизеп калғандар. Киске тикшереү мәлендә Миңлеғәлене батальон алдына сығарып баҫтырзылар. Муйынына фанер такта, уның өҫтөнә һөрһөгән итте элгәндәр. Егет башын эйгән, бөршәйгән. «Бирән! Уғры! Һәптән бур!» — тип мәхсәрәләһеләр. Төнөн асылынырға маташканында иптәштәре сак коткарып алып калды уны. Һалдаттар үззәрәнсә әсенде:

— Этте ашатқан һымак та ашатмайзар, ә мыҫкылларға беләләр.

— Һуғыш тактикаһын да өйрәтмәйзәр, өйрәтерлек офицерзары ла юк...

Һуқыр рәүештә хәрби тәрбиә ысулы, аңһыз рәүештә муштралау бик көслә ине был вақытта Алкин лагерында.

Һәр йома һайын берәр-икешәр мәртәбә һигез-ун сақырымдағы урманға әйзәйзәр. Бында казарма төзөү өсөн имән кыркып, өс-дүрт һалдат бер ағас күтәрәп килтерә. Ә иртәләрен физзарядка урынына биш сақырым араға, тимер юл разъезынан кирбес килтерергә йүгерәләр. Йәнә утын яралар, арманһыз булып арыйзар.

Бер көн рота гарнизон буйынса дежурға китте, Фуаттарзың отделениеһы казармала калды. Ефрейтор Киселев подьемдан бер сәғәт алда Фуатты бик каты төрткөсләп, бәргәсләп, торғозмаксы итте. Тарткылашһанда, үзе лә теләмәҫтән, ефрейторға аяғы менән эләктерзе. Ул өсөнсә кат һикәнән изәнгә йығылып төштә. Нәк шул вақытта часть дежуры лейтенант Аверьянов килеп сығып, Фуатты һикәнән һөйрәп төшөрзә лә, боғазынан маткып тотоп, йә стенаға бәрә, йә һикегә куша һуға башланы. Фуат уның күззәре аларып, кып-кызыл булғанын күрзе.

— Агам, сволочь! — Лейтенант, котороп, кобураһын һәрмәне.

Фуат иһә, кото алынып, иҫәнән яззы.

— Тукта! Тукта! Тыныслан! — тип старшина ярһыған офицерзың кулынан пистолетын кайырып алды.

Фуатты ун көнгә гауптвахтаға ябып куйзылар. Ул шул хәлгә калғанына ифрат та нык көйәләнде. Дуҫы Дәүләтбай: «Ябылып тороу — бер һынау ғына ул. Юкка борсолма, Изел кисмәҫ — ир булмаҫ», — тип кайғыһын уртаклашты. Һигез йыл хәрби хезмәттә йөрөү дәүерендә был уның тәүге һәм һуңғы язаһы булды. Дәүләтбай

иһә башкаларға карағанда акыллырак, иплерәк, йыйнағырак, шуға ла Фуат уны туганындай якын күрә.

Тора-бара яу коралдары менән таныштырзылар, пулеметсы, минометсы, элемтәсе, артиллерист, сапер һөнәрҙәренә өйрәттеләр. Егеттәр һалдат тормошона тамам күнегеп, коралдарын күзҙәрен йомоп һүтеп-йыйыу осталығына өлгәште. Ошолар йәй үтөп, октябрь аҙақтарына кесе сержант звание биргәс, Өфө эргәһендәге Осоавиахим лагерында өс азна самаһы күнекмәләр үттеләр.

* * *

— Һезең тылдағы һалдат хезмәте тамамланды. Етер икмәк серетеп ятыу! Инде — фронтка, яуға! — тине командирҙар.

Бер эшелон тейәлеп, илдән айырылып, киттеләр белмәгән-күрмәгән ерҙәргә. Туктауһыз барзылар. Өзәм кырылған кара яу кырҙарына ла якынлаштылар. Украина еренә, Днепр буйына килеп еттеләр.

Ноябрь айы аҙағы. Алышта тонок кына гөрһөлдәгән тауыштар ишетелеп кала. Артабан — йәйәү. Ике тәүлеккә азык бирҙеләр. Дәүләтбай: «Һуғыш хәлен белеп булмай, дуҫ, кәрәге тейер», — тип баксала тороп калған, туңыра өлгөрмәгән бәрәңге-сөгөлдөрҙәргә асылмалы токтарға тултыртты. Дәртле генә атлайҙар. Нык кына кар яузы, епшеп ята. Гөрһөлдәүҙәр асығырак ишетелә, төндөрөн кызғылт якты булып тора. Аркаларҙағы ауыр токтар хәлдә бөтөрә. Кырк сақырымлап барғас, Фуат иптәшенә инәлә башланы:

— Атларлыҡ та рәт калманы, ташлайыҡ бәрәңгеләргә...

— Азыктың ауырлығы юк. — Түз!

— Шулайҙыр за... Әммә, ысынлап та, хәлем калманы.

Иң элек сөгөлдөрҙәрен ыргытты. Бара-бара, аз-азлап, бәрәңгеләрен дә төшөрөп калдыра торғас, тоғо яртылайға бушаны һәм еңеләйзе. Ике тәүлеккә бирелгән ризыҡ та бөттө.

Арып-талып бер украин ауылына, артиллерия батареялары урынлашкан ергә етеп туктанылар. Дәүләтбай артиллеристарҙан ярты буханка икмәк һорап алды, уларға алмашка сөгөлдөрмө, бәрәңгемә бирзе. Тамак ялғап, асығыуҙарын баҫтылар. Саман йорт һымак балсыктан һалынған, һалам менән ябылған өйҙөр ышығында ултырып, серем итеп тә алдылар. Кисен аш, йөзәр грамм араҡы өләштеләр. Бығаса араҡының нимә икәнөн белмәгәс, ауызға ла алмағас, Фуат та, Дәүләтбай за эсмәне. Һуңынан да татып та караманылар. Шулар сак ер һелкенгәндәй, донъя күзгәлгәндәй булды, тирә-йүндә кып-кызыл ут солғаны. Кемдер яр һалып кысқырҙы:

— Ахырызаман!.. Тамук!..

Ултырған урындарынан ергә йығылдылар, котелоктарҙан аштар түгелде. Мәхшәр баҫылғас, күркөп, алан-йолан каранып кына баштарын калкыттылар. Бөтәһе лә иҫән, бер кем дә йәһәннәмгә олмаған. Бары уларҙан йөз метр арттарак «катушалар» залп биргән икән. Фронтка барып кереүҙәре, тәүге һынау үтеүҙәре бына шулай мәрәкәле булды.

Иртәгәһенә барыһын да сафтарға теҙҙеләр. Офицерҙар батальондар туплай башланы. Дәүләтбайҙы ла сығарып баҫтырзылар. Фуат, иптәшемдән айырылам инде, тип, аптырап тора ине, тәүәккәл дуҫы ымлап, уны үз янына сақырҙы. Йылт итеп йәнәшенә килеп торғас, афарин, айырылманыҡ, йәнә бергәбез, тигәндәй, кулын кысты.

Нығытамалар һызатына килгәндә лә, төндә лә атыштар тынманы. Уларға карап, дошман туктауһыз ата төслө тойолдо. Шуға ла баштарын калкытып карарға ла

кыйманылар. Артиллериянан утка тоткандан һуң, немецтар танктары һәм йәйәүле ғәскәре менән һөжүм яһаны. Оборона тоткан, бығаса күпте күргән яугирҙар һис кенә лә қаушап калманы: туптарҙан снаряд осорҙо, пулеметтарҙан пуля сәсте. Уң фланг һөзәк ине. Ошо юсыҡта «аждаһа» оборонаны өҙҙө, әммә йән аямай қаршы тороуҙан алға бара алмай туктап калды. Бер кем дә артқа сигенмәне.

Рота командиры Фуат менән Дәүләтбайҙы 82 миллиметрлы миномет расчетына тәүҙә мина ташыуһы, шуһан яһауһы итеп тәғәйенләне. Артабан баллистиканы өйрәтеп, тоҫкауһы итеп қуйзылар. Егеттәр аңламағандарын һыкышып һорашып, яңы һөнәрҙәрән бөтә һескәлектәрәнә тиклем төшөнөргә, үзҙәрән мәргән итеп танытырға тырышты.

Һалдаттар туктауһыҙ окоптар, траншеялар қазый. Мөмкин қәҙәр ергә һығырақ қазыһып, снаряд, мина ярыһктарыһан, пуляларҙан ышықланалар. Тик Украина ерендә қышын окоп қазыу ғәйәт ауыр. Қәйлә, көрәк һи тиклем осло, үткер булмаһын, қара көрән үзлә балһык шәкәр қисәгенән дә зурырақ һыкмай, соқой торғас, үзәндең йәнәң сыға яҙа. Өҫтәүәнә қар қатыш ямғыр яуа. Һыуланған шинелдәр туһа, кейгеһез була. Шуға ла ололар икешәр шинель йөрөтә.

Декабрь аҙағыһнда һәм яңы йыл башыһнда һөжүм итешәүҙәр булманы. Шулай ҙа алыһқа атыуһы туптар көнөнә бер сәғәткә яқын атыша. Безҙең «ильюша»лар қилеп сығып, дошман өҫтөнә бомбалар бырағыта. Төндәрән күкте ракеталар балқыта, яқтыртқыһс пулялар үлем көҫәп оһа. Оборонала торһалар ҙа, юк-юкта яраланыуһылар, үлеүһеләр булып тора. Ай ярым эһендә ротала һигез кеше яраланды, өһс кеше үлдә. Йәл, бик йәл, әлбиттә, тик торғанда яуҙаштарҙың бақыйлығыһа китеүе.

Яу һерән яу белмәһ, тигәндәй, вақыты һуқмайынһа, һөжүм көнөн, сәғәтен белмәнәләр. Ниһайәт, әйттеләр. Башланды алыш, көһс һыһаш. Тәүге биһс көндә ул һөзөмтәлә генә барһа ла, артабан ақрыһайзы. Йылытты. Юлдар — йәбешеп торған қуйы батқак, аяқтарҙы һурып алып булмай. Һуғыш қәрәк-ярақтары, артиллерия артта қалды. Фуат менән Дәүләтбай, лыһма тиргә төшөп, миналарҙы йөкмәп ташый.

Таң алдыһнан батальон тиһер юл станцияһыһа яқынлашты. Йөзләгән немец автомашинаһы батқаклы юлдан үтә алмай, хәрәкәтһез қалған. «Әһә, баттығыҙмы, дуңғыҙҙар! Безҙең юлдар батқыл ул», — тип Дәүләтбай һык көһорланды. Қитте атыш. Фуат дүрт «пәрей»ҙә дөмөктөрҙө. Әммә... Әммә... «Атыш қәрәкме, алыш қәрәкме?» — тип үкөргән дейәүҙәй, бронепоезд пәйҙә булып, ут бөрктө. Уһың артынһа, төтөн шаршауы қуйып, немецтар атақаға ташланды. Роталар сигендә. Был хәлдән ғәрләһеп, командирҙар бойорок артынһан бойорок яузырҙы:

— Вперед! Только вперед!

— За Сталина!

— За Родину!..

Һыһылыш яһап, айбарланған егеттәр Ингулец йылғаһы буйыһндағы район үзәгенә яқынлашты. Көтмәгәндә немец танктары һырттан қилеп сығып, дәһшәтлә, һәләкәтлә ялқынға күмдә. Шаулы көһс, утлы өйөрмә донъяһың аһтын өһкә әйләндәрҙә. Кемдәр һуңғы һулышын ала, кемдәр иңрәй... Юғалтыу хәтһез. Ярай әлә қызыл йондозло танктар күрәнде...

Икәнһә көндө туззырылған полк қайтанан бәрелешкә әҙәр хәлгә қилтерелдә. Ул, тереһы йотқандай, ғәййәрләһеп, район үзәген штурм менән алды. Фуат минометтан тура тоҫқап атып, тиһтәнән ашыу «ғифрит»те тамуққа озатты.

«Қатюша»лар дошман өҫтөндә қойон уйһата, алыша-тартыша торғас, дошмандың қаршы тороуһанлығы қәменә. Ул сигенә, безҙең ғәскәр әҙәрләй. Ауыл

ситендә автоматтарзан атышкан мәлдә Фуаттың һул як кабырғаһын нимәлер өтөп алды. Караһа, фуфайкаһының мамығы теткеләнгән, кан килә. Санитарзар санбатка алып китте. Шартлағыс пуля кабырғаһын һындырған. Айзан ашыу дауаланып ятты. Арыу булғас, үзенә хәрби часын кыуып етте. Инде 1944 йылдың май айы тыуғайны.

* * *

Полк Днестр йылғаһының уң яғында Тирасполь калаһынан төньяктағы һуғыш кырында урын биләне. Был урын — бик мөһим, Румынияға һикерәү өсөн трамплин! Шуға ла немецтар бер-нисә дивизия, танктар менән ябырыла, самолеттары бозло ямғырзай бомба қоя. Тәүге көндө дүрт тапқыр ырғылыузары таш қаяға бәреләп қаксыған һымак булды. Иртәгәһенә тағы ла зурырак өйөр ажарланып өскә ташланды һәм алдағы линияны өзөп, ажғырып нығытмаларға яқынлашты. Беззәң минометтарзың тауышы һис тынманы, Фуат осорған миналар за һызғырышып осоп, шартлап, өйөрзә һирәкләндәрзә. Әммә қалғандары нык қына яқынайғас, миномет менән эш итеү қыйынлашты. Фуат яраланған сержанттың танкка ата торған коралын йәһәт кенә алып, тоҫқап, немецтың үзйөрөшлө орудиеһын сафтан сығарзы. Икенселәр пушкаларзан снарядтар тондорзо. Танктары яна, яна... Яйы сығып, Фуат, Дәүләтбай, йәнә күрше расчеттар тура прицел менән мина яузырырға тотондо. Немецтар сызаманы, сигенде. Быны күреп, полк атакаға күтәрелде. Минометсылар за «урра!» қысқырып, алға ынтылды. Әүәлге позиция яуланды. Днестр плацдармында немецтарзың ун бишләгән қоторонко һөжүмен кире қағыуза күрһәткән қыйыулығы өсөн Фуат Әсәзуллин III дәрәжә Дан ордены менән наградланды.

Бер ниндәй алыш, атыш, йән қыйыш булмағандай, қояш йылмая, арқаларзы йылыта. Бейектә, йыһанда — тыныс, ер йөзөндә генә — һәләкәтле, үлемесле қыйралыш. Иң юғары ақыл көсөнә эйә йән эйәләре, әзәми зат, ниңә вақыты-вақыты менән әзәм актығына, асыуы үә үсе күп дейеү пәрәйзәрәнә әйләнә, яһиллык қыла икән?.. 18 май көндө йәшел сирәмгә ятып, сәстәре укмашқан, өстәре қатқан ике дуҫ, Фуат менән Дәүләтбай, ошо хакта уйланды. Төнөн уларзы алмаштырырға яңы көс килде.

Тылға сығып, ләззәтләнеп мунса керзеләр, май япрағы менән танһыктары қанғансы сабындылар, йәйге кейемдәр кейзеләр. Июнь уртаһына хәтлем ял иттеләр, туйғансы йокланылар, өйзәрәнә озон-озон хаттар яззылар. Был көндәр йәннәттәй тойолдо. Шундай рәхәт, шундай хөрриәт!.. Күкрәктәрәнә орден-мизалдар таққан һөлөктәй егеттәрән күрһә, ауылдарының иң һылыу қыззары ла һушын юйыр ине, моғайын. Хыялда булһа ла тыуған яктарына қайтып урағандай хис иттеләр үззәрән...

Тәндәрәнә көзрәт қайтарған, һулыштарын иркенәйткән Молдавияның тыл-сымлы төйәге менән 16 июндә хушләштылар. Вагондарға тейәнеп, дүрт көн барып, Төньяк Украинаның Сарны станцияһына киләп төштөләр. Бында, урманлы-һазлыклы ерзәрзә һуғыш алымдарын өйрәтеп, тактик күнегәүзәр үткәрзеләр.

Илбасар һис кенә лә тынмай, һаман қаныға, һөжүм итә. Йыртқыс өйөрө, кан көсәп, үз ил-йортон һаклаусыларзы қорбан қылырға, ботарлап ташларға ырғыла. Уның бер төркөмөн аңдып, Фуат, Дәүләтбайзар Көнбайыш Буг йүнәләшәндә қурғауылда тора. Йәмлә июль көндәрәндә самолеттары шықыйып тапқыр уларға қарай осоп килә лә қап-қара бомбалар ырғыта. Бомба тонок қына һызғырып өстәңә қилгәндә бик қурқыныс. Берәһә яқында ярылып, Фуатты ла балсык менән күмде. Шөкөр, иҫән әле, иҫән...

Әммә әжәл эргәлә генә эзләнеп йөрөй. Фуаттың алдында баһып торған һалдат, һушынан язғандай, қапыл уға һөйәлдә. Караһа, осраҡлы пуля нәк маңлайына тейгән. Баһыр шундук йән бирҙе. Бындай хәлдәр һирәкләп булып тора, һөжүмгә бармаған сакта ла һалдаттар казаға тарый. Әллә һаҡһыҙлыҡ, әллә күрәсәк... Арала төрлө әзәм бар: аҡыллыһы, аҡылһызы, һармағы; ауырлыҡка, яраланыуға сызағаны, сызамағаны... Берәүзең беләгенең йомшаҡ ерен сак кына ярыһы һыйпап үттә. Шуға ла ах та ух килеп, тылға тайҙы. Шуһ уҡ сәғәттә ярыһы Фуаттың да уң ботоһоң итен өзөп алды. Ләкин ул түҙҙе, язаштарынан айырылманы. Ә яраһы егерме көн тирәһендә төзәлдә. Ауылда йырауһылар: «Һөйләгән дә гәләм, ай, һөйләһен, тәкдир етмәй, әзәм үләме?» — тип йырай торғайһы. Фуат быға ыһанып та куя, һиндәйҙер илаһи көс уһы курсалай көүөк.

Доһман менән уларҙы айырып торған аралағы ерҙә үсөп ултырған бәрәңге күрәнә. Иһке ауыҙға яңы аһ, тигәндәй, шуһ тикләм яңы бәрәңге аһағыһы килә. Взвод командирынан рөхсәт һорап, Фуат шуһ тирәгә шыуыһты. Йөзтүбән килеш бизрәнән аһыу бәрәңге йыһы ла тоҡка, емерелеп бөткән траншеяға төһтө. Алдында немец снарядыһың яһтырап торған еҙ гильзаһы ята. Қапһюле юк, өс тиһеге генә йыһтырап тора. һиндәй шайтан которткандыр, сокорҙан сыға биреп, гильзаны күзәнә куйып, өс тиһек аһа немецтар яғын күзәтә башланы. Куһында күзәтеү торбаһы, йәнәһе. Шуһ сак тегеләр снаряд язырырға тотонмаһынмы?! Тирә-йүндә өзлөкһөз шартлау, соколмаған урын қалмағандыр... Күрәһен, гильза қояшта яһтырап, немецтар уһы күзәтеүһе тип уйлаған. Қырк килограмлыҡ снаряд өһтөнә, йәһиһә йәнәһенә төһөп шартлаһа, иптәһтәре һөйәк-һаяҡтарын да тапмаһ, оһо сокор уһың қәбере буһыр иһе. Қомһоу тупрақка күмелгән көйө байтақ яһты Фуат. Бәрәңге қайғыһы киттә. Ергә һырығып, һырышып, ақрын ғына, шым ғына үзәнәкеләргә табан шылыһты. Траншеяға килеп төһкәс, язаштары уһың тере қалыуына бер қилкә ыһанмай торҙо:

- Анауындай қойондан һуң һинә вафаттыр тип, аһин әйткәйһек иһдә.
- Тыуғанда уҡ бәхетәң менән тыуғанһыңдыр ул?!
- Бер үзәнә немецтың күпмә снарядын әрәм иттерҙең, афарин!..

* * *

Иртән иртүк, икә сәғәтлек артиллерия уһынан һуң, дивизия гәййәрләһеп, ташкын һымақ күтәрелеп, доһмандың оборона һызығын өзҙө. Бындай көслө ын-тылыһты көтмәгән немецтар тәртипһез рәүештә сигендә. Икә көндән Қөнбайыһ Буг йыһлаһын қисеп сыҡтылар. Фуатка ул Байрамғол эргәһенән аққан Яйық зурлыҡтай ғына тойолдо. Қызыл фәскәр, уһар сәһеп, көн һайын утыз-қырк, бөтәһе дүрт йөз сақырым юл үтөп, Вислаға яқынлаһты. Иһдә еңеү қомары менән сәмләнгәндәрҙә оһо зур йыһлаһың аръяғына үткәрмәү өһөн немецтар тешә-тырнағы менән қаршылаһты. Шуға қарамаһтан, автоматһылар Висла аһа сығып, плацдарм яулауға һәм уһы қиңәйтеүгә, хатта бер ауылды алыуға өлгәһте. Төнөн башқалар, миһнометһылар за Вислаһың арғы ярына аяқ баһып, тегә ауылға барып урынлаһты.

Ауыл бик зур, озонса, халқы қасып бөткән. Эргәлә генә түбәһе яһпақ яһанғаһ тау. Таң менән оһо тау башынан һис көтмәгәндә әллә һисә батарея, әре қалибрлы пулемет тура төзөп атырға тотондо. Шуһ уҡ мәлдә уһлап танк өйҙәрҙә емереп-қырып, донъя туҙырып, қисәңге батырзарға ябырылды. Улар ауылды қалдырып, Висла яғына сигендә. Ығы-зығы, шау-шыу... Йыһлаға қарай бер генә юл, ә икә яғы ла — һөрөлгән ер. Ямғырҙан һуң тубықтан батқак, батқыл. Фәскәр юлға килеп тығылды. Пулеметтар пуля языра, танктар терәп тиерлек ата, «мессер»зар

түбәндән генә осоп, бомба коя. Юл мәйет менән капланды. Ыңғырашыу, ялбарыу, кыскырыу, акырыу, ирешеу, һүгенеу — бөтәһе бергә буталды. Ошоллай булалыр, күрәһең, йәндәрҙе язалай торған йәһәннәм, тамук уты... Вислаға етергә бер-нисә йөз метр калғас, штаб офицерҙары, полковниктар, майорҙар сигенеүселәрҙе пистолеттарын тоҫкап, өскә атып, яман акырып каршыланы:

— Ни шагу назад!

— Противостоять!..

Әмәл юк, боролдолар, каршы торзолар. Авиация, артиллерия ярзамға ашықты, миналар һызығырып осто. Һөжүм басыла төштө. Дивизияның яртыһынан күбәһе кырылған. Фуаттарҙың ротаһындағы илле бер һалдаттың ун бере генә иҫән калған. Йән тетрәткес юғалтыу!.. Был инде һизгерлекте юйған, тик еңеүгә генә ышанған штаб офицерҙарының, дивизия һәм полк разведкаларының үз бурыстарын аныҡ үтәмәүенә үтә лә аяныслы күренеш ине. Ошо мәхшәр койон эсендә Фуат менән Дәүләтбай калай ғына иҫән калғандыр, котолғоһоз үлемдән уларҙы кем ярлыкағандыр, һиндәй мөгжизә аралағандыр?.. Ике дуҫ иҫтәре китеп, телһез калып, бер-береһенә карап торзо ла, күзҙәренән йөш атылып, косаклашты.

Висла өҫтөндә «козғон»дар комһозланып үлем көҫһә лә, йәһфарман алышка ашығыусылар түңкәрелһәләр, батһалар за, дивизия яңы көс менән тулыланды. Асыуҙары кабарған яугирҙарҙың нәһрәттәре «аждаһа»ларға алмас кылыс булып ялтланы, ук булып казалды, плацдарм фронт буйыһса егерме, тәрәнлеккә ун-ун биш саҡырымға киңәйзе, зурайзы. Әлбиттә, утта көйрәп, баштары өзөлә барған «дейеу» тағы ла яһилланды. Китеп кәһәр орош. Ғазраилдар кысырыҡларға маташып, көнөнә дүртәр-бишәр тапкыр өскә ташлана, мәгәр канһырап ауа, сигенә. Фуат: «Дәүләтбай, мәрхүм язаштарҙың коһон алайыҡ, рухтарын ризалайыҡ!» — тип мина осорзо ла осорзо, яуыздарҙы байтаҡ кына корбан кылды. Күп юғалтыуҙарға дусар булып, һиһәйәт, тындылар.

Кызыл ғәскәр башкаса алға ынтылмаһын өсөн немецтар һығытмалар, ДОТ, ДЗОТ-тар корзо, танктар үтә алмаслыҡ йырындар казыны, һөжүм юлдарын сәнскеле тимер сыбык менән сырманы, миналар менән тултырзы, ашамлыктарҙы һәм эсәр һыуҙарҙы ағыуланы... Үзҙәренсә Висланан Одерғаһа араны үтә алмаслыҡ рубежға әйләндәрҙе. Мәгәр дошмандың астыртынлығын, мәкерлеген төшөнөп, юғары коһандование һығытылған һызатты тәүзә авиация, артиллерия, «катуша»лар, танктар менән йырҙыртып, ғәйәт дәһшәтле көс кулланды.

Фуат, Дәүләтбай инде мең кыйынлыҡты бергә кисергән язаштары менән Польшаның Варта йылғаһы буйына етеп туктаны. Егерме һигезенсә февраль көнө уны аша сығыу бурысы куйылды. Был урында Вартаның ярҙары бейек, текә, ағымы көслө. Өҫтәүенә, туктауһыз киҫәк-киҫәк боз аға. Бер ярҙан икенсә ярға арқан тартылды. Ялғашка ултырып, арқанға тотонуп, Фуат та йөзә башланы. Йөгө лә етерлек: карабин, патрондар, ун туғыз килограмлык көбәк, ике тәүлеклек азыҡ. Иҫкәрмәҫтән боз киҫәге килеп һуғылды ла ялғашты ағызып алып китеп. Бәхетенә күрә, арқан култыҡ аҫтына тура килде. Уға асылынып, муйынынан һыуға сумып тороп калды. Һыу үтә лә һыуыҡ, үзәккә үтә. Бер кулын арқан буйлап шыузырып, алға ынтылды. Икенсә кулда көбәк, уны һис кенә лә төшөрөп ебәрергә ярамай. Хәлә бөтһә лә, үзән дарманландырзы: «Бирешмә, егет, бирешмә, һине атаң-инән, йәшәлмәгән тормош көтә!» Азапланып, ғазапланып, көс-хәл менән ярға сықты. Взвод командиры Бедритский: «Молодец!» — тип флягаһынан ауызына спирт койзо. Сәсәй-сәсәй эсте, әммә донъя шундук томаланып, уның күз алдынан юғалды. Дәүләтбай: «Он раньше никогда водку не пил, поэтому сразу опьянел», — тип, язаштары менән уны поляктарҙың мамыҡ юрғанына урап, йөн ястығын түшәп, повозкаға һалды. Бер нәмә белмәй күпме яткандыр, дуҫының: «Фуат! Фуат!» — тигәнәнә уянып, бер нәмә булмағандай килеп торзо.

Одер йылғаһына якынлашкан һайын немецтар йәнәсыкка каршылык күрһәтте, үлем күбәйзе. Яу зәһәрән татыған ир-узамандар, үс-нәфрәттәре йәшендәй йәшнәп, кан даръяһы түккән дошманға кан ялатты. Висла аръяғындағы кырылышты күреп кәһәтләнгән танкистар тимер табанлы «айғыр»зарында дошман тулы ауылға йәнфарман барып кергән. Тегеләр иҫ-һуш алырға ла өлгөрмәгән. Ауылдың тирә-яғы, тыкрыктар тулы кара кандары йәйелгән немец һалдаттарының мәйәттәре. Бигерәк тә оло урам уларзың кәүзәләре — ит йәймәләре менән түшәлгән. Куркыныс та, ифрат имәнәс тә ине был күренеш. Фуат менән Дәүләтбай укшып, озақ кына күнелдәре болғанып йөрөнө. Вислала уларзың дивизияһының кот оскос кырылыу коно кайтарылғайны.

Йыйык йорт егәттәре лә, Одерзы кисеп, фельдмаршал Паулюстың имениеһына барып сықты. Кирбестән һалынған ат һарайының зур капкаһын асып кереп, уңайлырак урын һайлап урынлаштылар. Артиллерия һәм танктар йылғаның теге яғынан сығып өлгөрмәгәндән файзаланып, немец танктары текәп атырға тотондо. Көн уртаһында береһе бик якын килеп, һарайзың стенаһын иләк кеүек тишкеләп бөттө. Бер снаряд-болванка эргәлә торған ике аттың арт һандарын, янбаштарын туззыра һуғып, икенсе стенаны тишеп сығып осто. Ат кунып, егеп, һыбай йөрөп үскән егәттәр, арғымактарзы үззәренекеләй йәлләп, болокһоно. Ниндәй һомғол малкайзар әрәм... Улар за — һуғыш қорбаны!

Көс өстәлеп, биләгән майзан зурайзы. Әйтәүзәренсә, Берлинға тиклем һикһән сақырым ғына ара қалған. Көнө-төнө атыш, һөжүм. Америка, Бөйөк Британия ғәскәрзәре немецтарзың башкалаһына якынлаша, тизәр. Оло һалдаттар, бигерәк тә офицерзар борсола:

— Без нишләйбәз, егәттәр?.. һуғыштык, һуғыштык та, инде Берлинды уларға бирәбәзме!?

Ниһайәт, егерме дүрт сәғәт әсендә Берлинға инеү тураһында Жуковтың кәтғи бойороғо булды. Ун алтынсы апрель төнөндө, әйтерһең, бөтә ергә ут капты. Бихисап прожектор, автомашина, танк фаралары немецтарзың күзен сағылдырзы. Һауала ут өйөрмәһе һасил итеп, У-2 самолеттары фосфор қоя. Туптар, «кәтюша»лар атыуы, танктар, самолеттар геүләүе бергә қушылып, қолак тондорғос тауыш барлыкка килде, донъя тамукка әйләнгәндәй тойолдо. Туптарзан, минометтарзан атыу өсөн команда биреү юк, буһа ла тауыш ишетелмәй. Шуға ла Фуат менән Дәүләтбай за, башка минометсылар за билдәле вақыттан һуң, прицелды үзгәртә биреп һәм зарядты арттыра барып, ата. Шау-шыуза мина атылып сықтымы-юкмы икәнән белеү өсөн терәк плитаға басып торалар. Атыһа, плитала тибәү, һелкенәү һизлә. Фуат ярты сәғәт әсендә немец өстөнә илле мина осорзо.

Ут яуһа ла, һуңғы көндәре еткәнән тойһа ла, дошман йәнтәслим қаршы тора. Көндөз ни бары биш-алты сақырым ғына һынылыш яһалды. Ергә қазынған танктарзы, ДОТ-тарзы юк итеүе, ай-һай, ауыр. Әммә қаһарманлык артынан қаһарманлык қылып, алға ынтылыу дауам итте. Ун етенсе апрелдә танк корпусы фронтты өзөп, Зеелов қалқыулығына сықты. Қискә табан ул қыйыу йөрәкле яузаштар қарамағында ине.

Һуғыш азағы якынлашқанғамы, рота командиры капитан Хлопочков һис тә һақланмай башланы. Минән пуля ла, мина ла яза оса, тип уйлаймы икән?.. Атаһы Фуатқа һуғышта һақлануы зарурлығы, мин-минләnmәү тураһында қат-қат туқығайны. Тәкәбберзәр, именлеген уйламағандар тик торғанда ла бер һүз әйтә алмай йән биргеләй. Фуат ярты метр тәрәнлектәге окопта ултыра, ә капитан өс-дүрт метр ситтәрәк үскән ағас эргәһендә биноклдән күзәтә ине. Шул сәк немец танқыһынан атылған снаряд нәк башына тейзе, баш һөйәге ярсығы сәсрәп,

Фуаттың окобына килеп төштө. Йөрәге дерелдәп, нык аптырап, күззәре шарзай булып, егет инәһе кеүек көрһөнөп: «Эй Илаһым!» — тип куйзы.

Хлопочков урынына шул ук көндө рота командиры итеп өлкән лейтенант-ты тәғәйенләһеләр. Госпиталдән генә сыккан, бик йәш, төскә матур, тап-таза кейемдә. Капитандың мәғәнәһез үлеменән ул да һабак алманы. Неһец яғына аяғөстө карап торғанында, зур снаряд ярсығы уның да башын өззө. Бығаса каты яраланған һалдаттарзың ыңғырашыуы, үлә алмай ятып кыскырыулары, атып китеүзе үтенеүзәре инде күнегелгән ғәзәти хәл кеүек ине. Мәғәр ниңәләр ике офицерзың үтә лә аяныслы үлеһе гелән Фуаттың күз алдына килде лә торзо. Шул сак, күңелен шом биләп, был йән кыйғыс һуғыш котто алырлык яһан дәһшәт, пәрәй, өрәк, нәғәләт-ләғнәт, ун ике башлы дейеү һыһак күрөндө.

Йөрәк әрнеткес юғалтыузар менән хәрәкәтләһеп, бер урындан икенсе урынга күһеп, яһан ергә килеп сыктылар. Алда, һул яктарак урманлык күрөнә. Көндөзгө ун икеләр тирәһендә йөзләгән неһец һалдаты окоптарынан сығып, урманға карай шыла башланы. Фуат йәһәт кенә алыслыкты тоһмаллап, бер һиндәй команда көтмәйһенсә, тегеләрзе ярсыклы миналар менән койондорорға кереште. Йәнәштәге расһеттар за ут асты. Өрәк заттары урманға инеп йәһеренергә өлгөрмәһе, егермеләгәһе, кулдарын күтәрәп, әһир төштө. Саялығы, тәүәккәлһеге, мәргәнһеге өсөн Фуаттың II дәрәжә Дан орденына лайык икәнән әйттеләр.

Яузаһтары менән бергә, йән аһмай алыша-алыша, Берһин урамдарына ла барып керзеләр. Танктар алдан тегеләй зә былай туктауһыз атып бара. Неһецтар тәзрәләрзән дә, өй баштарынан да пуля яузыра. Танктарға каршы фаустпатрон кулланып, кумулятив граната елгәрәләр. Уларзан котолоу өсөн иһен урында туктап, тиһер рәшәткәләр йәбештереп, доһманды өңөндә дөһбәһсләһеләр. Урамдар кирбес, бетон ватыктары, мәйеттәр менән тулды. Һәр йорт тиһерлек яулап алынды. Қарт-коро, бала-саға подвалдарға йәһеренгән, йәш катын-кыз аһерикандар яғына касқан. Берһенсә майзан икенсә майға караған төндө атыштар кәһегәндән кәһеһе һәм иртәһге ундарза бөтөнләй тынды.

— Берһин бирелде, неһец баш һалды! Урра! Урра! — тиһән шатлыклы аһаздар яңғыраны.

Қыуаныһтан косаклаһтылар, котлаһтылар, хатта ки илаһтылар... Оло һалдаттар, офицерзар спирт әһеп иһерзе. Әһир төшкән Берһин гарһизоны аһтоматсылар каһауында кискә кәзәр урамдар буйлап ағылды. Иртәгәһенә Фуат менән Дәүләтбай Рейхстагы карарға барзы. Башында кызыл байрак елберзәүе күңелдәрөндә әйтеп бирә алһаслык һорурлык уятты. Йырак та түгел зур ресторан булған. Үтә затлы йыһаздар кыйралған, иһән тулы көзгө, люстра ватыктары... Рейхстаг тирәләй йөрөнөләр. Бер урында неһецтарзың яу-һуғыш коралдары тау кеүек өйөлөп ята.

— Уларзы каһаттан ил баһыу, талау, кешә үлтәрәү өсөн кулланһаһындар инде, Хозайым үзе һаклаһын инде, — тине Дәүләтбай етдиләһеп.

— Әйе, дуһкайым, мәрхәмәтһез зә, аһуһыз за, фаһижәлә лә шул һуғыш, кан койош! Күһме әзәм түзәмәһлек ғаһап сиктек, миһнәт йоттоқ, йән тетрәткес яфа, көһсөргәһеш киһерзек.

— Үләһ сигөндә, үләһдән бер азыһда торзоқ, түззек, сызанык...

— Шулай... Без, ике ябай аһуыл егете, ватандаһтарыбыз менән илбаһсарзарзы илөбөззән кыузык, Берһин тикләһ Берһинды алдык, күкрәктәрөбөзгә орден-миһзалдар тактык!..

Ике дуһ, әл дә бергә булдык, аһырылышһанык тип, бер үк мәлдә уйлап, колас йәйөп косаклаһты. Ун ете ай һуғыш өйөрмәһендә йөрөп, иһән калыузарына, Еһеү көһөн күрөү бәхетәнә ирешөүзәрөнә сикһез шат ине улар...